

Лора Штейн-Скавронская



18+

Путешествие в Ихгард

Лора Штейн-Скавронская

Путешествие в Ихгард

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43704295

SelfPub; 2024

Аннотация

Ихгард – странный город со странными законами и странными людьми с их не менее странной философией жизни. Герой, сбежав из дома, попал туда случайно и, столкнувшись с местными невероятными обычаями, не спешит уезжать, пытается разобраться и понять удивительную логику этих спокойных внешне людей, не признающих никакие другие законы, кроме Истины Пророка. Они никогда не улыбаются, не проявляют эмоций и даже не понимают, зачем это нужно. Может быть, вам удастся победить эту сумасшедшую логику?

Лора Штейн-Скавронская

Путешествие в Ихгард

-1-

Человек появился в городе рано утром, едва солнце поднималось из-за горизонта.

«Пожалуйста к нам в Ихгард», приглашала огромная вывеска.

Он шёл вдоль пустынной, утопающей в зелени улицы, разглядывая дома, светящиеся окна магазинов, кафе, и ещё не понятно чего, читал вывески, удивлялся и хмыкал.

Все это напоминало макет «идеальной улицы». Симпатичные, ухоженные дома, чистые, даже как-то слишком – дороги, выложенные камнем, никаких высотных зданий, и ни одной машины, словно автор создавал для себя укромное местечко вдали от настоящей городской суеты. И первое впечатление о нём действительно можно было назвать – уютным, но увидев над дверями дома вывеску «Тлен», сменилось растерянностью, вдруг возникла тревога, неприятное ощущение в груди. Он остановился. «Что? Слово, как слово. Не думай, остановись, не то змеи проснутся. Эти подлые твари всегда наготове». Тряхнув головой, быстро отогнал навязание и, двинулся дальше. Свернул в узкий, темный проулок и, оказавшись на другой стороне улицы, прямо перед

собой увидел дом, где светилось ярко-красным «Истина».

«Неожиданно. Путь к спасению? Как тот мотылек к свету, обжечься и скрыться во тьме, вновь попытаться, будто от этого зависит твоя жизнь. Что только в голову не взбредет. Игра ассоциаций, бред воспаленного воображения, стимуляция и симуляция. Эта ваша чертова философия». Он стоял и смотрел на огромные буквы не в силах отвести взгляд, словно они сами по себе что-то значили, имели скрытый смысл. Наконец очнувшись, бодро зашагал дальше и, обнаружил дом, резко выделяющийся среди остальных строений, словно черная клякса на белой бумаге. Мрачный средневековый замок, в миниатюре, с башенками, высокими шпилями, витражными окнами на первом этаже, явно не вызывающий романтических настроений, как это часто бывает при виде современных строений в готическом стиле. Над входом висела вывеска светящаяся алым «Смерть» и чуть ниже надпись – ночлежка.

«От истины к смерти. Поворот. Или от смерти к истине. Тлен еще. Нарочно не придумаешь. Спать, спать. Тлен, коснувшийся начала, смерти лик, явивший миру снов... Кошмар, полусонный мозг взывает к смерти». Он только улыбнулся, пригладил волосы и решительно открыл дверь.

Внутри не было ничего необычного, современный интерьер, как в любом отеле. За стойкой, подперев голову рукой, сидела женщина средних лет, довольно тощая, кажется, спала. Человек подошёл и опустил руку на стойку. Женщина тут

же открыла глаза и спросила, – Вам номер на час, или на жизнь? Он немного растерялся, но вспомнив встреченные по пути названия, решил не обращать внимания и разобраться со странностями позже.

– Мне на неделю, а там видно будет.

– Как ваше имя?

– Феликс, – улыбнулся.

Женщина сдвинула брови, – Вы зачем мне зубы показываете?

– Прошу прощения? Происходящее напоминало дурной сон. «Разыгрывает? Или я сплю. Может вообще умер. Название подходящее. Наркотики?»

– Просто улыбнулся.

– Что значит, улыбнулся? Я вас не понимаю, молодой человек, не морочьте мне голову. Ваш номер 18, это на втором этаже. Она положила ключ на стойку, снова уселась на свой стул и повернулась к ящику.

Феликс хотел было спросить, что она имеет в виду, но сил уже не было, слишком хотелось спать. Поднялся в номер, бросил свою небольшую сумку на пол, и рухнул в кровать.

– Кто вам позволил? – спросил Админ, торговца цветами, – вы по какому праву здесь расположились? Чем это вы торгуете?

– Я из соседнего города, скоро ведь праздник, – объяснял торговец, – решил немного подзаработать.

– Какой такой праздник? – не понял Админ, – Вы сумасшедший? Уберите это немедленно, иначе я сейчас же вызову охрану, – пригрозил он.

Цветочник вздохнул и стал собирать свои цветы, рассовывая их по коробкам. Он старался не повредить их, складывая медленно и аккуратно, но Админ вдруг сгрёб целую охапку с прилавка, и швырнул в большую коробку, стоящую рядом, не выражая при этом никаких эмоций. Цветочник хотел было возразить, но неожиданно подошла охрана и потребовала поторапливаться.

Цветочнику ничего не оставалось, как сложить свой товар кое-как и убраться восвояси.

Феликс проснулся ранним вечером, посмотрел в окно, на доме напротив, светились огромные буквы «Пицца». Позабыв, где находится, в очередной раз удивился и даже попытался стряхнуть сон, но тщетно, сном оказались события, от которых он только что очнулся, даже скорее сбежал, словно мальчишка, напакостивший и улизнувший от наказания. Он был дома, как всегда спорил с отцом. При воспоминании о нем в груди заныло, ликование и вина смешались в неопределимое и невыразимое словами, чувство. Однако зов плоти победил разум, посылая сигналы более сильные и более древние, заставив буквально выпрыгнуть из кровати, наспех умыться, собраться и спуститься вниз.

Там всё так же сидела женщина, подперев голову рукой, и

равнодушно смотрела ящик.

Шёл репортаж с улиц города, сообщалось о вопиющем случае на улице №14, с участием странного человека торгующего какими-то растениями, называющимися «цветы». Однако репортёр заверил, что граждане улицы могут не волноваться, инцидент исчерпан, человек изгнан из города.

Женщина никак не реагировала, ни одна эмоция не коснулась её сурового лица.

Феликс подошёл и по привычке улыбнулся. Равнодушие сменилось все тем же выражением удивления, страха и непонимания, – У вас всё в порядке?

– Конечно, мадам, я отлично выспался, а если ещё и поужинаю, буду совсем счастлив.

Нахмурилась. – Вы откуда?

– Просто путешествую, вчера был в соседнем городе, – сказал Феликс. – Простите, как вас зовут?

– Миара, а что вы такое сейчас сказали? Слово непонятное – счастлив. Это что?

Вопрос Феликса поставил в тупик. Непонятно было, шутит она, или всерьез интересуется. Гениальная актриса, которую скука заставила разыграть перед ним странную сцену, такая внезапная импровизация? – Миара, а вы шутница я сморю. Улыбнитесь хотя бы, посмотрите какой чудесный вечер.

– Молодой человек, что вы такое говорите, я вас не понимаю. И где вы вообще таких слов-то понахватались? Счаст-

лив, чудесный. Объясните что это, или я сейчас охрану вызову.

Лицо выражало решимость, и мысли о розыгрыше тут же испарились.

– Послушайте, Миара, вы, наверное, плохо себя чувствуете, может быть, даже не выспались, давайте в другой раз, я очень голоден.

– Откуда вы знаете, что я плохо себя чувствую, вы следили за мной? – она подозрительно посмотрела на него, и незаметно нажала на кнопку под стойкой.

«Господи, куда я попал, что вообще происходит?» Разум метался в поисках ответа, но ситуация была слишком необычной. Не прошло и двух минут, подоспела охрана.

– Забирайте, он, кажется шпион. Говорит на каком-то странном языке, вынюхивает чего-то, даже за мной следил, – важно сообщила Миара, скрестив тощие руки на груди.

Один из охранников, молча надел на Феликса наручники, его взяли под руки и вывели из ночлежки.

Вечерний город был особенно красив, солнце, разливаясь красным золотом, ещё не успело скрыться за линией горизонта.

Феликсу не было страшно, он только удивленно крутил головой по сторонам, все еще не веря в происходящее. Они шли вдоль четырнадцатой улицы, по пути встретилось множество магазинов с названиями «Магазин №», все просто

пронумерованы. Но были и совсем странные «Забвение», «Немощь», «Дурак».

«Чертовщина. Может все-таки сон? На улице ни единой живой души, будто это странное место и правда не настоящее. Ещё эти названия. Дичь. Но красиво, даже слишком. Так бы и не просыпался, несмотря ни на что. Не все время же бегать. И куда? На самом деле некуда, это и так ясно. Тупик. Возможно, это вообще моя последняя надежда. Ну почему всё так сложно, почему обязательно так. Как же он не понимает, что это все не моё. Опять начинается. Вокруг да около. Не хочу, надоело. Смертельно надоело, тошнит. Ну все, сейчас змей разбудишь. Тормози. Нет, надо здесь задержаться. Боже, о чем ты думаешь? Посадят пожизненно, за шпионаж, и останешься, и забудешь думать, дурак». Улыбнулся.

Феликса, наконец, привели к одноэтажному, обветшалому дому, с решетками на окнах. У входной двери сидели два охранника, играли в карты. При появлении арестованного подняли головы, лениво посмотрели на него, и тут же вернулись к своему занятию, словно мимо пролетела муха.

Завели в дом. Планировка показалась странной, от входа вел длинный коридор, с несколькими дверьми по обеим сторонами, темно, и только слабый луч света пробивался где-то в самом конце. Пленника подвели к последней двери, повернули лицом к стене, открыли, сняли наручники, затолкали внутрь, закрыли на замок, и удалились, не произнеся ни слова. Феликс так и стоял, смотрел на закрытую дверь, по-

ка позади не раздался кашель. Он вздрогнул. Обернулся. У окна сидел старик, весь седой, длинные волосы, такая же борода, и темные, насмешливые глаза. Сердце сжалось, старик кого-то напоминал. – Ты кто?

– Варгас, – сказал тот, совершенно молодым голосом.

Феликс застыл, этот голос никак не вязался с его почтенным возрастом, и тоже казался знакомым. Он мучительно пытался вспомнить, где мог видеть это лицо, слышать этот голос. В памяти начали всплывать воспоминания детства. Вот он сидит за обеденным столом, молча, слушает отца. Мать отрешенно, словно робот орудует вилкой с ножом, не обращая никакого внимания ни на мужа, ни на сына, будто их нет. Отец на полном серьезе рассказывает о бизнесе, ему, пятилетнему ребенку. Он почему-то считает, что в таком возрасте дети уже должны начинать готовиться к будущей карьере, как в спорте, чем раньше, тем лучше. Его передернуло.

– Это тюрьма?

– Совершенно верно, тюрьма и есть, – кивнул старик.

Присел на кровать. – Никогда не видел таких тюрем. Город, наверное, маленький. Не успел обойти, очень хотелось спать.

Старик продолжал безмятежно улыбаться, будто он не в тюрьме, а на райском острове, в окружении дикой природы, солнца, моря и безграничного покоя. Переместился на кровать, скрестил ноги. – Город не маленький, а очень даже

большой. Тюрьма у нас всего одна. Кроме меня здесь больше никого нет. Достал папиросы. – Будешь?

– Нет, спасибо, не курю, – сказал Феликс. – А почему ты здесь сидишь? В таком почтенном возрасте обычно закон не нарушают.

Старик хохотнул и немного прокашлялся.

– Как бы это сказать, я отказался следовать конституции, единственный в Ихгарде. До меня здесь и тюрьмы-то не было.

– Почему? Старый бунтарь? Извини...

– Ты, наверное, голоден? – вдруг спросил старик. – У меня тут булка осталась с обеда.

– Не то слово, хотел поужинать, но не успел. Со вчерашнего вечера ни росинки во рту, – заулыбался Феликс.

Старик протянул большую сдобную булку, на вид довольно аппетитную. Он тут же жадно откусил и поморщился, на вкус оказалась совершенно безвкусной, будто вата. Но делать нечего, голод был слишком сильным. «Ещё и это... так не бывает. Не бывает безвкусной еды, это сон, точно сон». – Может у тебя ещё и вода есть?

– Конечно, этого добра хватает. Достал из тумбочки у кровати бутылку воды и протянул. – За что схватили?

– Сам не понял, женщина из ночлежки вызвала, посчитала меня шпионом почему-то. Я ничего не сделал, просто хотел поднять ей настроение.

Старик захохотал, и Феликс снова поразился. Знакомое,

близко знакомое...

– Понятно, ошибка новичка.

Только сейчас Феликс стал внимательно рассматривать комнату. В ней имелось две кровати, рядом с каждой тумба, около окна стол, покрытый скатертью, два мягких стула. На столе лампа. В углу заметил дверь. «Туалет, наверное».

– Там туалет и душ, – уловив мысль, подтвердил старик.

– Вполне комфортная камера, – жуя булку. – И давно ты тут сидишь?

– Сколько себя знаю, столько и сижу.

Феликс поперхнулся. – Пожизненно? Что это за законы такие? Даже не всем убийцам столько дают. Немного испугался. В сознании лениво зашевелился клубок змей, до сих пор мирно дремавших, воображение тут же принялось накидывать наброски мрачных сценариев. «Стоп!»

Старик улыбался, словно собеседник удивляется вовсе не тому, не важному.

– Моё преступление считается хуже, чем все остальные вместе взятые. Что убийцы? Одна, или несколько жизней ничего не меняют. Тут всё гораздо серьёзней, – он поднял указательный палец вверх, – я пошёл против Истины, понимаешь?

– Пока не очень.

– Закон гласит, все жители Ихгарда должны жить Истиной Пророка, – объяснял Варгас. – Ну как должны? Никто не оспаривает, и никогда не оспаривал. Всех устраивает.

– А ты оспариваешь? И что там за истина такая?

– В двух словах и не расскажешь, вот поживёшь немного в городе, сам поймёшь. Тебя скоро выпустят, я думаю, твоё преступление пустяшное, так, пару дней подержат, да и отпустят. А может и сегодня даже. Только мой тебе совет, ни во что не вмешивайся, просто наблюдай. Да и разговаривай поменьше, а не то снова тут окажешься, в два счёта. Улыбаться тоже не советую, – закончил Варгас и улыбнулся.

– Ничего не понимаю. Дико, странно, даже нереалистично как-то, – задумчиво. – И почему ты пошёл против закона?

– Потому, что всё неправда, Пророк ошибался, – серьёзно сказал Варгас. – Но он не виноват, он этого не знал.

– Почему остальные соглашаются? Объясни толком, – взволнованно спросил Феликс.

Вдруг лязгнул замок, дверь открылась, перед ними предстал человек маленького роста с блестящей лысиной, в белом халате. В руке папка.

Человек молча, прошёл в камеру, уселся за стол, открыл папку, достал листы бумаги, ручку, и повернулся к заключённым.

– Варгас, что ты ему сказал? – спросил он.

Старик молчал.

– Вас, кажется, Феликс зовут? – обратился он к новенькому. – Так что он вам сказал?

– Ничего, мы тут минут тридцать сидим всего, – улыбнулся Феликс.

Тот покачал головой, достал платок из кармана и вытер вспотевшую лысину. – Молодой человек, вы тут третий год сидите, не морочьте меня. Это против закона, между прочим. Он стал что-то записывать на листе.

Феликс посмотрел на лысого, затем на Варгаса, потом снова на лысого. – Да вы издеваетесь, какой ещё третий год?

Феликс проснулся ранним вечером, посмотрел в окно, на доме напротив, светились огромные буквы «Пицца», сразу почувствовав голод, он быстро собрался и спустился вниз.

«Приснится же, это, наверное, от голода, считай, сутки не ел».

Внизу никого не было, он оставил ключ на стойке и вышел наружу. Глубоко вдохнув теплого предзакатного воздуха, огляделся, на улице пусто.

«Странно. Никогда не видел пустых улиц, даже ночью. Наш вообще никогда не спит. Наоборот, ближе к ночи только и начинается бурная жизнь, правда совсем другая. Дневные и ночные, это вообще два разных типа людей. По ночам происходит все самое интересное, настоящее. Днем, люди похожи на призраков, словно ночные вместо себя на работу отправляют пустую безжизненную оболочку. Зато ночью, город наполняется реальными персонажами оживших легенд. Как там говорил Зальц, архетипами. Кого только не встретишь. Вышибалы становятся воинами, зорко охраняя спокойствие граждан в каком-нибудь баре. Важные, гордые.

Встреть такого днем, не узнаешь. Потухший взгляд человека уставшего от жизни. Однажды встретил мага, забавный тип. Всю ночь рассказывал, как выскользнуть из тела и путешествовать по параллельным мирам. Не знаю, может он и правда это делал. А совсем недавно вообще попалась прелюбопытная личность, что-то вроде джокера. С серьезным видом рассказывал, как безнаказанно ограбить банк, взорвав его к чертям после ограбления. Оказался местным проповедником, днем читает библию для грешников. Хах. Или вот невинное дитя порока. Сидит, девочка-припевочка, никогда не угадаешь, что у нее на уме. Как только дело дошло до секса, превратилась в распутную ведьму, еле ноги унес. Случайно встретил, в магазине, продавщицей работает».

Внутри Феликс не уловил никаких запахов, положенных таким заведениям, словно кафе бутафорское, собранное для съёмок фильма, или шоу. Народу много, но свободные места всё же имелись. Заметив пустой столик возле окна, поспешил к нему.

«Может у них мощные вытяжки? Мёртво, как дома. Безжизненно. Большая столовая на первом этаже, невероятных размеров стол, ослепительно белая скатерть, вышколенные слуги, безупречная сервировка и гробовое молчание, прерываемое только стуком приборов. Ксан любит, чтоб все красиво, простой грек, из деревни, а манеры, что у высочайшего класса дворецкого, как наш Торнтон. Сэээр. Откуда только все берется? Отец обожает это, наверное, сказывает-

ся происхождение, сын простых работяг тяготеет к изысканности, словно сам себе доказывает, что может, достоин, за чем? Каждый прием пищи превращается в целую церемонию, так, что сбежать хочется. Никогда не понимал этих извращений. Ему надо было родиться веке в восемнадцатом, самый раз. Кого сейчас этим удивишь? Только наша Пенни человек, живая, не замороченная, а готовит, закачаешься. Сейчас бы стейк с дижонской горчицей, и мороженого, и эти её крохотные французские булочки с черничным джемом. Боже, слюной изойду».

Подошла девушка, и положила перед ним меню.

– Еда №1, Еда №2, Еда №3, №4... – что это такое? – удивился Феликс. – Откуда мне знать, что там под номерами значится?

– Номер первый – мясо, второй – картофель, третий – салат, четвёртый – чай. Чего тут непонятного? – равнодушно поясняла официант.

«Сплю я до сих пор, что ли? Продолжение следует...» Однако есть хотелось всё сильнее и, решив не обращать внимания, заказал все четыре номера.

– Принято.

Феликс откинулся на спинку стула, разглядывая посетителей. «Обычное кафе, ничего особенного, только какая-то неестественная тишина, никто ни разу не улыбнулся и, кажется, спиртного не подают... Ну и место. Нарочно не придумаешь».

Вдруг подошёл мужчина. – Позвольте? Замер в ожидании.

– Прошу, – он указал рукой на соседний стул.

– Не привык есть в одиночестве. Игнар, – протянул руку.

– Феликс.

– Как вам наш город, Феликс?

– С чего вы взяли, что я не местный?

– Конечно не местный, – уверенно сказал Игнар, – вы все время показываете зубы, здесь никто так не делает.

«Что? Спокойно, сиди тихо». Смех едва не вырвался наружу.

– Не замечал, – улыбнулся. – Привычка. Почему, кстати, здесь никто не улыбается. Сколько смотрю, ни разу не видел.

– Значит, это называется – улыбаться? Странное слово. Мы не знаем что это, потому и не делаем.

«Психи что ли? Куда я попал? Может, разыгрывают? Варгас что-то такое говорил... Так сон же. Или нет? Такие, конечно, везде встречаются, но не весь же город».

Принесли заказ. – А ты что будешь? – спросила она у Игнара, расставляя блюда перед Феликсом.

– Мне, то же самое, Лия, только без номера 3.

– Один момент.

– Скажите, Игнар, почему здесь такое странное меню, да и название кафе тоже странное? Феликс принялся есть мясо, хмыкнул, попробовал салат и поморщился. – Совершенно безвкусно. – Как вы это едите?

Тот непонимающе уставился. – Что же вы находите странным? Мы зачем сюда пришли, принимать пищу, верно? Стало быть, название логичное. А меню, ну что меню, зачем писать много всякого, допустим – мясо, или картошка? Можно пронумеровать и дело с концом. И почему безвкусно? Это как?

Феликс слегка растерялся. Он вообще перестал понимать что-либо. «Мне им что, теперь каждое слово переводить надо? Я в дурдоме».

– Еда совсем не имеет вкуса. Вы знаете, что такое вкус? – на всякий случай спросил он.

Девушка принесла заказ и поставила перед Игнаром. Тот нарезал мясо и стал спокойно жевать, не выражая никаких эмоций.

– Не понимаю, – сказал Игнар с полным ртом. – Еда, как еда, она разве бывает какой-то другой?

– Ну как же, – возразил Феликс, – она бывает потрясающе вкусной. Например, вот, мясо. Хорошо приготовленный бифштекс, божественно вкусно. А это, – он взял вилку, насадил кусок мяса, – вообще непонятно что.

– Даже не знаю. А на что похож этот ваш вкус?

– Нуу... чувствуешь вкус, получаешь удовольствие от еды в целом, – неуверенно. Феликс не знал, как объяснить, будто не умеешь разговаривать, слова есть, а смысла нет.

– Удовольствие? Что это? – спросил Игнар.

«Я определенно в дурдоме. Рассказать кому, не поверят.

Такое бывает только в случае сильного стресса, читал где-то. Да и то временно. Потом-то вкус возвращается. Но это явно не тот случай. Нет, в наших учебниках о таком ничего не сказано. Мало того, еще и слов таких не знают. Тут что-то другое. Торнтон! Не, поесть он любит, он вообще гурман. Перевернутая реальность, будто на страницы антиутопии попал. Или утопии. Поглядим».

– Это когда внутри разливается приятное тепло, – попытался объяснить Феликс.

Игнар сдвинул брови. – Знаете, я бы вам посоветовал зайти в лавку «Истина» и купить нашу конституцию, она так и называется «Истина», думаю, вам будет чрезвычайно полезно. Ну, а мне пора. Встал, положил деньги на столик, – Прощайте, – сказал он и спешно покинул заведение.

Феликс посмотрел на часы, уже девять. «Прогуляться? Нет, усталость мертвецкая, ленивость, окутавшая жизнь... Или сон. Сон не сон, жизнь не жизнь. Идиотизм какой-то. Змеи, спать! Всем спать, дайте проснуться, умоляю. Голова как в тумане. Куда я попал? Да к чёрту».

Он вернулся в ночлежку, решив в «Истину» зайти завтра, с утра. У стойки никого не было, ключ лежал там же, где его и оставили. Сходил в душ, холодная вода взбодрила, привела мысли в порядок, змеи замёрзли и съежились.

«Бог сна, если ты существуешь, вызываю на допрос, немедля! Хочу спать, и проснуться хочу. Лег на кровать.

Надо было ехать с Джеком. Сейчас он, наверное, кутит по барам, играет на гитаре, цепляет девчонок. А я непонятно где, непонятно зачем и непонятно, что дальше.

– Феликс, давай со мной, пообедем побережье, соберем все значные места. Наши старики с ума сойдут. Хотел бы я посмотреть в лицо своему хренделю. Чего им от нас надо? Достали. Мечется по комнате, точно зверь в клетке.

– Это не совсем то, что я хочу, Джек, ты не нагулялся что ли? Мы побывали в каждой местной дыре, репортеры уже заскучили, ничего нового, хах. Ты хочешь взбудоражить все побережье? Нас сразу вычислят и вернут на место. Твой буйвол Тео церемониться не станет.

– Как знаешь, Феликс, а мне медлить нельзя, старик вздумал женить на этой дуре Стелле, она, видите ли, из правильной семьи и с кучей бабла. Будто это аргумент. Средневековье какое-то, лучше пулю в лоб. Если повезет, не попадусь, постараюсь. А ты?

– Поеду куда-то, не знаю, где тихо. Дам время и себе, и ему. Может, дойдет, наконец...

Дошло? Пока не знаю, ничего не знаю. Здесь странно. Непонятно, как это осмыслить даже, словно дурной сон. Не улыбаться, не знать, что такое счастье, не иметь представления о вкусной пище, не радоваться. Так не бывает. Или бывает? Логика своя здесь тоже есть, но почему-то она больше похожа на бред сумасшедшего...»

– Варгас, что он говорит? Какой третий год?

Бред. Змеи яростно зашипели, открыли клыкастые пасти, высунув острые красные языки, приготовились укусить. «Бежать. Куда? Лысому стулом по голове, охрана...»

Лысый убрал бумаги обратно в папку, поднялся, и со словами – Мне всё ясно, – вышел из камеры. Дверь закрылась, лязгнул замок. Варгас продолжал сидеть молча, и только улыбался.

Феликс присел на кровать и выжидал, сам не зная чего. «Жуть. Очнись! Ты не здесь, здесь нет, ничего нет. Спокойно, трус, выше голову. Ли говорил, вокруг ничего нет, даже тебя. Раз, два, три, вдох, выдох. Живой? Живой. Подняться над суетой, обойти, созерцать, не жить...». В горле пересохло.

– Ты не понимаешь, что происходит? – наконец заговорил старик. – Не печалься, Феликс, это не нужно понимать, поверь мне. Чем быстрее ты это осознаешь, тем лучше.

– Что я должен осознать, ты же ничего не объясняешь? – развёл руками Феликс.

– Я тебе говорил, что все жители города живут Истиной Пророка, так вот, она ошибочна, там всё, от первой до последней буквы – ложь. Это единственное, что тебе нужно понять. Но тебе всё-таки нужно изучить конституцию, убедишься.

Варгас закурил.

– Почему ты такой спокойный? Тебя разве не смущает

столь долгое заточение? Ты что-нибудь предпринимал? – спросил Феликс, и прилёг, заложив руки за голову.

– Зачем? – спросил старик. – Что мне там делать? Стану таким же сумасшедшим, как все. Это очень заразно. Будь осторожен.

– Но ты мог перебраться в другой город. Мир большой.

– А что в другом городе? Он менее сумасшедший? Расскажи о нём, – попросил Варгас.

«Что? Весело, прекрасно, мрачно, жизнеутверждающе, хах, как?»

– Ну, первое отличие, наверное, улыбка. Я привык улыбаться, местные порядки меня озадачили. Там люди радуются, шутят, смеются...

Едва проснувшись, Феликс подумал про завтрак и тут же поморщился, словно проглотил лимон. «Что же я так и буду всё время голодный? Чертовщина... Тосты мне, Пенни, тосты! И кофе, твой чудесный ароматный, умопомрачительный, восхитительный, сногшибательный кофе. Но, главное змей не кормить, пусть, наконец, сдохнут, твари. Всю жизнь окружённый тварями из преисподней. Живого места нет, один яд. Они уже и во сны пробрались, плохо дело. Истина ложь. Отлично. А что не ложь? Какого черта делать, куда бежать?»

Отец сидит в кресле, закинув ногу на ногу, читает газету, пьёт кофе и изредка поглядывает на меня. – Феликс, прекра-

ти витать в облаках, займись делом. Пора практиковаться. Зря я что ли такие деньги вложил в твое образование?

– Естественно, всё, что не касается бизнеса, является формой облака, так?

– Что ты несешь? Отложил газету. – Это тебя в университете научили дерзить?

– Ты сам меня туда отправил, чем недоволен?

Вздыхает. – Феликс, я все делаю ради тебя, пойми...

– Давай не будем, а? Ты делаешь ради себя, тебе чертовски нравится твой бизнес, и прекрасно, но меня от него тошнит. Неужели так трудно понять?

– Да ты ведь даже не пробовал! Переходит на повышенные тона. Лицо багровеет.

– Мне и не нужно пробовать, при одной мысли дурно, всё, хватит!

– Куда ты собрался? Разговор не окончен... А ну вернись! Встает и идет следом, грубо останавливает и трясет за плечи. – Да очнись ты уже, наконец, что за капризы? Неужели не понимаешь, кроме тебя некому. На кого я это все оставляю? Чем ты собираешься заниматься? Шататься всю жизнь по барам, с Джеком? Что молчишь?

– Я все сказал, добавить нечего.

Разозлился еще сильнее, его всегда бесило мое безразличие. Однако это ничего не меняло, попытки сломать меня не оставлялись ни на минуту. Мне всего двадцать семь, а сердце уже барахлит. Но он не знает... Дааа. Прекрасные мыс-

ли с утра, заметь, всегда. Шаблон сломай, придурок. Ладно, подъем, Истина ждет. Ого, и ты, дружок возбудился, я смотрю. Только облом тебе выйдет, не то место, не то время. Спи спокойно, мы что-нибудь придумаем».

Не спеша принял душ, оделся, спустился вниз, и сразу отправился искать лавку.

«Тишина, как всегда никого. Отдых для души, уставшей от жизни. Принудительной, мучительной, долгообязывающей, нервоизматывающей, змеешипящей. Джек сказал бы, расслабься, дружок, пойдем, взбудоражим, как следует общественность, удовлетворим их неиссякаемое любопытство покопаться в чужом грязном кружевном бельишке. Отец будет в восторге, гарантирую. Он и был в восторге, объявив домашний арест на месяц. Зато репортеры повеселились.

– Смотри, Феликс, какие цыпочки. За столиком сидели две девицы и поглощали сине-зеленые коктейли. Увидев нас, встрепенулись, поправили прически, выпрямили спины, как пантеры, заулыбались.

– Ну, да, ничего. Хочешь к ним?

– Конечно, а зачем мы сюда приперлись, просто пить? Это скучно. Не тормози. Джек уверенно, широко улыбаясь, утянул меня за столик.

– Привет девчонки, что за гадость вы там пьете? Поднял руку, тут же подскочил парень. – Шампанского, брат, самого лучшего.

– Один момент.

– Феликс, падай.

– Джек, Феликс. И почему такие девы одни? Где ваши храбрые рыцари?

– Рыцари только в кино, – сказала блондинка, и жеманно улыбулась. Явно узнала нас. Стало скучно.

– Регина, а это, – указывая рукой на рыжеволосую, веснушчатую подругу, – Фанни.

– Феликс, у нас тут оказывается, француженки водятся. Смеется. Рыжая мгновенно подсела ко мне, и в следующую секунду на её голову полилась вода.

– Ты чё творишь, стерва? Скромное обаяние французской буржуазии мигом испарилось. Около столика стоит Ирэн, с пустым стаканом. – Ты, скотина, ублюдок, – кричит, не обращая внимания на рыжую. Подскакивает Фанни и вцепляется ей в волосы. Боже, что тут началось. Я попытался растащить их, но не тут-то было, когда девицы решают проблемы подобным образом, расцепить их задача практически невыполнимая, разве что вырубить только. Но кто так делает? Пока разнимал, сзади насел охранник «Совы», но не успел я среагировать, он уже валялся на полу. Джек врезал ему в челюсть, со всей дури. Не удивительно, все-таки годы занятия боксом не прошли даром. Кошмар. Все орут, визжат, вспышки. Подбегает какая-то девица и отвешивает Джеку оплеуху. Мне почему-то стало смешно. Истерическое.

Ирэн с рыжей не унимаются. Джек держит за руки незнакомку, оказавшуюся девушкой охранника, эти две пытаются

вырвать друг другу волосы, катаясь по полу, толпа окружила нас и наслаждается зрелищем. Джек, конечно, не растерялся, схватил меня за руку и рванул к выходу. Отъезжая от бара увидели полицию.

– А Ирэн? Надо было ее забрать.

– Сама виновата, дура. Феликс, что ты в ней нашел?

– Не знаю, сам думал об этом. Ну, так что, бросить ее что ли?

– Ладно, поехали назад, черт с тобой.

Конечно, нас всех забрали в участок, но быстро отпустили, выяснив, кто мы такие. Выйдя наружу, были окружены толпой репортеров, еле ноги унесли. Утренние заголовки газет вопили о скандале в «Сове», вытеснив все прочие новости. Отец был в ярости. Джеку досталось не меньше, его вообще заперли на неопределенный срок. Правда, он умудрился бежать. Только изловили быстро, и вернули под замок. Домашний арест продлился месяц. Мы только по телефону общались, как два придурка. И это всего лишь один маленький эпизод, в череде других наших протестантских выходов, несмотря на которые, оба наших родителя никак не хотели менять свои намерения. Даже угрозы лишить наследства никоим образом не повлияли на наше решение не связываться с миром большого бизнеса».

Дойдя то того места, где как ему казалось, находился магазин «Истина», его не оказалось. «Заблудился что ли? Не

улица, лабиринт Минотавра. Но-но, ты не Тесей, ты дурак. Даже змей боишься, даже ненастоящих, кусок жира, всего лишь, а не змеи. Тьфу».

Огляделся, вокруг никого. «Все время – никого. Может, воздух отравлен? Галлюциногенный воздух. Глючный город в глючном воображении. Да. Во».

Феликс увидел знакомую вывеску «Дурак», и решил зайти спросить дорогу. «Идиотское название. Здесь вообще всё идиотское. И ты идиот. И мир в целом – идиотский. Извращенная фантазия, воспаленного галлюциногенного сознания».

За прилавком, скучаяще разглядывая витрину напротив, стояла девушка, в длинном платье, с роскошными светло-пепельными волосами и, очень тёмными, почти чёрными глазами. Этот контраст завораживал. «Мария... Сердце сейчас выпрыгнет и покатится прямо по полу магазина, оставив кроваво-красный след за собой. Лови его потом, отмывай. Этого мне ещё не хватало... Фарфоровая, как наша посуда, кожа, а глаза, боже...»

– Доброе утро, девушка, это улица 14? – улыбнулся Феликс.

– Какое утро? – спросила та, отступив на шаг назад от прилавка. В глазах испуг.

«Фарфор ослепительно белый».

Улыбка слетела с губ Феликса.

– Да вы не бойтесь, я просто заблудился. Мне нужен ма-

газин «Истина», не подскажите, где его найти?

– Не заблудились, просто вам немного дальше пройти надо, – показала она рукой. Успокоилась, поправила волосы.

Феликс обернулся, посмотрел на витрины. На полках лежали шахматы, шашки, нарды, газеты с кроссвордами, разные конструкторы, игральные карты.

– Почему у вашего магазина такое странное название? – любопытствовал он.

– Разве странное? Нормальное. Здесь продаются предметы, убивающие время. Время убивают только дураки, отсюда и название.

Феликс захохотал. Громко, нервно.

– Если вы сейчас же не прекратите и не уйдёте, я вызову охрану, – вздрогнув, отпрыгнула от прилавка испуганной ланью.

– Не нужно, я уже ухожу, – вытянув руку, заверил Феликс и поспешил убраться.

Он не мог остановиться, согнулся пополам, смех грозил перейти в истерику. «Убийственно бредово даже для сна». Слезы ручьем катились по щекам. «Фух, всё, хватит». Феликс вытер рукавом лицо и двинулся дальше по улице.

«Любопытно. Отец говорит, меня погубит любопытство. Ли говорит, не бойся, быстрее освободишься. Он бы его убил, узнай об этом. Сын, нищebroдам нет места в нашем кругу. Ну да, только барыги друзья, еще змеи, мудрые, строгие, рассудительные. И опасные. Ли их уничтожил, всех до

одной, отрубил им клыкастые головы, сжёг дотла. Ему бы здесь не понравилось. И я один, усталый путник, бреду в бреду с улыбкой дурака...»

Наконец знакомая вывеска.

Внутри всё было заставлено тонкими книгами, больше похожими на тетради. Худой, высокий мужчина, лет пятидесяти шёл вдоль стеллажей, разглядывая полки, словно хотел убедиться, что всё на своих местах. Увидев Феликса, – Здравствуйте, молодой человек, вы что-то конкретное ищите, или просто так?

Тот хотел было по привычке улыбнуться, но тут же себя одёрнул, и со всей серьёзностью заявил: – Мне нужна конституция.

– Конечно, конечно, пойдёмте на кассу, – направился дальше вдоль стеллажей. Феликс пошёл следом, разглядывая полки.

Взгляд зацепился за книгу «За пределами Ихгарда», взял в руки, покрутил, открыл первую страницу. «Уважаемый читатель, если ты никогда не был за пределами дома, эта книга для тебя». «Интересно, что они там себе думают...»

Он захватил её с собой и подошёл к кассе. Продавец уже упаковал книгу, увидев в руках Феликса ещё одну, протянул руку, – Давайте я заверну. Будет с чем сравнить.

– Что вы имеете в виду?

– Вы же не местный, знаете какво там, за пределами, вот и сравните.

«Бесстрастно, не хватает «сэр» протяжно, как в лучших домах». – Сколько с меня?

– За эту 20, а конституция бесплатно, – сказал продавец.

– Это почему?

– Истина, потому что, – с видом, будто объясняет ребёнку, почему нельзя играть со спичками.

«Сэээр. Как сектантские листовки раздают. Есть хочется. Выпить. Секса. Хо-хо, всегда чего-то хочется. Нужда, как смысл жизни. Точно. Чего искать, вот он, найден. Примите, распишитесь. Смысл жизни заключается в служении, дети мои. Да, а ночью, пока Бог спит, трудимся на благо ночных служительниц греха. Они тоже есть хотят, и выпить».

На улице по-прежнему никого не было. Напротив Феликс заметил вывеску Магазин №4. «Может продукты? В «Пищу» идти лень». Поморщился.

Внутри действительно оказались продукты, обычный супермаркет, как и везде. Побродил вдоль прилавков, высматривая сам не зная что и, в конце концов, махнув рукой, решил взять пакет молока и сдобную булку. С продавцом беседовать не решился, расплатился, вышел и огляделся. Напротив, стояла скамья, мимо которой пройти было невозможно, настоящее произведение искусства. Кованный узорчатый каркас в стиле Прованс, сиденье, темного, потертого дерева, и все это в окружении кустарников, обвивающих своими ветвями, словно купол, защищая от солнца и дождя.

Феликс расположился в тени этого купола, открыл пакет

и сделал глоток. «Снова никакого вкуса». Разорвал прозрачную упаковку, откусил булку. «И опять безвкусно. Похоже, тут всё равно, что есть. Дрянь». Вздыхнул разочарованно.

Покончив с едой, распаковал конституцию, покрутил в руках. Мягкая тонкая брошюра, в простом, без иллюстраций, оформлении. «Истина Пророка» белыми буквами на сером фоне.

Закон №1: Нет никакой другой истины, кроме этой.

Не принимай никакие другие законы, ибо они ложны. Не верь...

Феликс читал, хмурился, где-то улыбался, и даже иногда громко смеялся. Истина Пророка была полна абсурда и вместе с тем логики. «Невозможно, хах, змеи не выживут, сами сдохнут. Пророк был пьян, точно, или вообще наркоман».

Закон №2: Отбрось иллюзии. Не воображай.

Воображение ведёт к желаниям, желания к преступлениям.

Закон №3: Не думай. Мысль уводит в противоположную сторону от Истины.

Истиной является всё, что ты можешь наблюдать лично. Мысль сама по себе является иллюзией.

«А чувства? Понятно, почему они не улыбаются и шуток совсем не понимают. Ли говорит нет, предметов нет, чувства туда же, к такой-то матери. Мысль, только она есть. Куда она ведет? В противоположную сторону. Чушь. В какую? Если она иллюзия, что же тогда есть? Ничего, пустота?»

Закон №4: Не желай. Желания ведут к преступлению.

Феликс так увлёкся, что не заметил стоящего рядом и наблюдающего за ним, мужчину.

– Здравствуйте, – присел рядом.

«Давно он так?»

– Добрый день, – кивнул Феликс, и тут же возникло неприятное чувство, словно он только что, сделал что-то неправильное.

– Какой день? – удивился тот.

– Обычный, не берите в голову, я не местный, – нашёлся он.

«Приехали, мне уже дурно, что ж дальше будет?»

– Изучаете Истину? И как вам? Для чужаков она не понятна, хотя лично я не вижу там ни единого противоречия.

– На первый взгляд, да, но если вдуматься. – Феликс, – он протянул руку.

– Самсон, – пожал руку тот.

– Самсон, не подскажите, когда это было написано?

– Не знаю, очень давно.

– Вы соблюдаете законы, не зная, кем и когда установленные? – удивился он.

– Во-первых, думать вредно и незаконно, во-вторых, какое это имеет значение?

«Думать вредно. Серьезно? Новость дня. Интересно, как? Не думай о белой обезьяне...»

– Вас всё устраивает?

– Правильные же, разве нет? – спросил Самсон. – Вот вы, испытываете страх, например?

– Можно на ты. Конечно, бывает.

«У меня столько тварей в голове, ты бы знал, приятель. Страх наше всё, мне ли не знать. Специалист, профессор мрачного ужаса. Ли говорит, трус. Гадёныш мелкорослый».

– Ну, разве это ложь? Вот и Пророк говорит. Страх есть самое естественное и стойкое чувство.

– А радость?

– Что это?

«Приехали. Дурдом, вне всякого сомнения. Напиться бы, забыться, вернуться... стоп. Успеется ещё. Ну и тип». – Когда всё хорошо и нет страха.

– Да разве же можно не испытывать страх? Не бывает такого. Есть, конечно, некоторые моменты, иногда он отступает, но длится это недолго. Пророк сказал, это – иллюзия, то есть нам просто показалось. И он прав, так и есть.

– И вы совсем не хотите избавиться от него? – допытывался Феликс. «Я просто мечтаю об этом, каждый день, всю жизнь. Даже не знаю, на что это похоже. Кажется, всё отдал бы за такую возможность. Кому змей? Даром!».

– Как это избавиться? Что ты такое говоришь? Как можно избавиться от естества? Ну, ты загнул.

– Но ведь радость тоже является естеством, разве нет?

– Нет, конечно, если бы это было естеством, оно не исчезало бы, а длилось вечно, как страх. Правильно?

Феликс задумался, с подобной философией, которая, надо сказать, сразу вызвала протест, он прежде не сталкивался, готовых ответов тут быть не могло и требовалось время на осмысление. – Не знаю, сомнительно. Ну, ладно, а как ты объяснишь закон №4? Там сказано, что желания ведут к преступлению. У вас совсем нет никаких желаний?

– А что тут объяснять? – удивился вопросу Самсон. Вот смотри, захотел ты, скажем, убить кого-то, разве это не приведёт к преступлению?

Если бы такое сказал кто-то из знакомых, Феликс счел бы это дико смешным, но в нынешней ситуации вопрос казался настолько абсурдным, что он даже растерялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.